

В ГОСТЯХ У «ОТЦА»... ХОТТАБЫЧА

годы и люди

Встретиться с автором известной повести-сказки «Старик Хоттабыч» оказалось очень просто.

Мне посоветовали:
— Назовите пароль, и вход свободный.

— Какой же это пароль?
— А пароль один: «Я из Севастополя!»

Позвонил прямо с Курского вокзала:

— Я из Севастополя!

— Севастопольцы могут приезжать ко мне в любое время дня и ночи!

Признаться, я подготовился к этой встрече. В севастопольской Морской библиотеке перелистал подшивки флотской газеты «Красный черноморец» за 1941—1944 годы и встретил имя Л. И. Лагина. И, хотя Лагин не числился в штате редакции, а работал в политуправлении флота, его участие в газете было более чем заметным. Автор «Старика Хоттабыча» — книга вышла за несколько лет до начала Великой Отечественной войны и была популярной — был просто находкой для газетчи.

Лазарь Лагин для своей журналистской деятельности избрал в газете юмористический отдел «Рында» (Рында — судовой колокол). О чем были его публикации?

4 сентября он печатает свою первую басню «Прохожий и бандит».

18 сентября технические обозреватели Л. Лагин и П. Панченко сообщают:

«В связи с тем, что советскими и английскими бомбардировщиками разрушен ряд немецких электростанций, в германском министерстве народного хозяйства срочно разрабатывается проект строительства гидроэлектростанций на использовании воды из геббельсовских статей.

Специальные фильтры будут очищать воду от нечистот».

28 сентября. Немцы подошли к Перекопу. Для господ генералов, офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов германской армии, мечтавших о курорте Югобережья, советский политработник майор Лагин составляет санаторно-курортную справку.

«Наиболее действенные лечебные процедуры, предлагаемые советскими бойцами фашистским бандитам:

1. Ванны: а) холодная, б) грязевая, сивашская.

2. Уколы (штыковые).

3. Горячие припарки (артиллерийские).

4. Свиночовые примочки из первоклассных советских пулю.

5. Массаж прикладом».

Это некоторые из выступлений только за один месяц войны. Я не учел еще здесь подписи под сатирическими рисунками Леонида Соифертиса и Константина Дорохова, не учел и лагинские псевдонимы.

Двери мне открыл пожилой человек. Я на минутку выпустил из виду, что Лагину уже за семьдесят.

— Проходите. Садитесь. Отдыхайте. Рассказывайте. Давно из Севастополя?

— Сегодня.

Лагин вздохнул:

— Се-ва-с-то-поль... Там я еще мог по горам лазить.

— Могли, — подтвердил я, — не только лазить, но и бегать.

— Откуда известно?

— А мне художник Соифертис рассказал.

Леонид Соифертис рассказал мне, как они вместе с Лагиным побывали в Балаклаве, в старых генуэзских башнях, где в 1941—1942 годы занимал оборону сводный пограничный полк НКВД.

Рассказываю об этом Лагину.

— Точно. Мне довелось бывать у пограничников много раз. А с Леонидом Соифертисом и корреспондентом ТАСС Александром Хамаданом мы были в Балаклаве в самые последние дни обороны, в июне 1942 года.

— Об этом мне и рассказал Леонид Владимирович. Он еще сказал, что вы тогда сочинили надпись: «С миру по нитке — Гитлеру петля!»

— Было такое дело. А Леонид, тогда просто Леня, через проем, выбитый прямым попаданием снаряда, взобрался на второй этаж генуэзской башни и аршинными буквами написал эти слова на самой верхотуре.

— А потом, — продолжил я его рассказ, — вы по горному спуску возвращались в Севастополь и попали под минометный обстрел.

— Верно, — засмеялся Лагин, — я тогда прыгнул в сторону... Кажется, действительно перемахнул с испугу огромную расщелину. Да что это я вас утомляю разговорами. Выпьем по чашке кофе?.. Наталья, соорбиз!

С опаской посмотрел на его дочь, затянутую по моде в узкие джинсы, на телевизор, на котором стояла фирменная табличка, заимствованная в каком-то ресторане: «Стол не обслуживается. Официантка Лагина Н. Л.»... и отказался.

— Спасибо — не хочу.

Лагин улыбнулся.

— Спасибо — не хочу? Или спасибо — неудобно?

Я не знал, что ответить.

— Будем пить кофе, — твердо произнес Лагин, — мне тоже было неудобно есть мандарины у Маяковского, но я — ел.

— Вы были знакомы с Маяковским?

— Да. Я тогда называл себя поэтом и писал стихи.

— Расскажите, пожалуйста.

— Коротко это выглядело так: на вечере встречи с Маяковским я прочитал отрывок из своей огромной поэмы и небольшое стихотворение на закуску. Владимир Владимирович все внимательно выслушал, скептически глянул в мою сторону и сказал: «Ваша поэма родилась не из сердца. Это, батенька, литературщина. Своими глазами смотреть надо, не через пенсне классиков. А вот маленькое ваше стихотворение мне, как ни странно, понравилось».

— А что это было за стихотворение, которое понравилось Маяковскому?

— Стихотворение называ-

лось «Отделком» — командир отделения. Из жизни, так сказать, взятое: было это в 1926 году, в Ростове, и был я тогда военным человеком — политуком полка. После творческого вечера я еще несколько раз встречался с Владимиром Владимировичем, и однажды он пригласил меня к себе домой. Представляете мое волнение, когда я летел к нему?

Пришел, вытер ноги о половичок и... не знаю, что дальше делать.

А Маяковский говорит: «Что ты там, Лазарь, казенный паркет протираешь? Проходи!»

Прошел. Он меня, как маленького, к столу подводит. А на столе в вазе — горка мандаринов. Маленьких таких, красно-желтеньких, аж в горле защебетало — деликатес! А у нас в полку неизменные щи да каша. Мандарины и апельсины вообще считались буржуйским лакомством.

Маяковский придвинул вазу: «Жми, Лазарь, на всю катушку! Вижу: хочется».

Проглотил слюну:

— Спасибо. Не хочу.

Маяковский презрительно смерил меня взглядом:

— Спасибо — не хочу? Или спасибо — неудобно?

— Хочу, Владимир Владимирович, очень хочу!

— Вот и делай то, что хочешь, интеллигент!

И стал я уплетать мандарины, только за ушами треща-ло...

— Давайте кофе, Лазарь Иосифович!

— Вот то-то! Наталья! Обслужи клиентов!

Мы пили черный пахучий кофе и вспоминали Севастополь. Точнее, вспоминал Лагин, а я ему подсказывал. Напоминал.

— Помните, в декабре 1941 года вы опубликовали стихотворение «Тебе отвечаем, родная Москва»? Там есть еще такие строки:

Над нашим окопом

задумчивый тополь,

И южного неба синее канва,

Но мы, защищая родной

Севастополь,

Деремся, как нам говорит

Москва...

— Ох, — вздыхает Лагин, — лучше бы вы мне не напоминали об этих стихах! Тополь — Севастополь. Как небо не обрушилось на меня за такие штампованные рифмы?!

— Но в то тяжелое время все виды оружия были необходимы.

— Необходимы. Но все же хорошо, что я вовремя спохватился, вспомнив Маяковского: «Лазарь, переходи на прозу, стихи у тебя не получаются!»

— Но замечу вам, что в октябре 1943 года вы опубликовали «Балладу об энском десанте». Баллада публиковалась с продолжением в трех номерах.

— Я должен был написать эту балладу, не мог ее не на-

писать. Если вы листали подшивки «Черноморца», то встречали мои очерки о Герое Советского Союза Константине Федоровиче Ольшанском. Ольшанский после гибели Цезаря Куникова командовал отдельным батальоном морской пехоты.

Почти каждый мой очерк кончался словами: «геройски погиб», «геройски погибла»... Я помню Женю Хохлову. На Малой земле она была медсестрой, спасала раненых. Но своего мужа, Николая Седичева, спасти не смогла. Женя погибла при штурме Новороссийска.

...Позже я нашел этот очерк Л. Лагина. Он назывался «Женя Хохлова — черноморская морячка».

«Ей говорили: «Женя, пригибайся. Кругом фрицы». Она отвечала, подмигнув: «Мне мама говорила: если орешек в рот попадет — проглотить, если в лоб попадет — отскочит. А поразит меня фашистская пуля, напишите на могиле: здесь лежит черноморская морячка Евгения Афанасьевна Хохлова, погибшая за Родину...»

Она лежит в братской могиле на новороссийской набережной, на самом берегу родного Черного моря...

Поражаешься, как много сделал в войну политработник Л. Лагин. Тот самый Лагин, которого после появления «Старика Хоттабыча» причислили к мастерам фантастического жанра. Помимо многочисленных сказок, басен и юморесок, в войну им была написана повесть «Броненосец «Анюта».

Допит кофе. Дочь настороженно смотрит на меня — разволновал отца воспоминаниями. Пора уходить. С жадностью гляжу на книжные полки, на лагинские книги «Патент «АВ», «Остров Разочарования», «Атавия Проксима», «Съединенный архипелаг», «Голубой человек»...

С книжных полок смотрят на меня бородастые Хоттабычи. Много Хоттабычей. Похожих друг на друга и непохожих: индийские и французские, испанские и норвежские, английские и индонезийские, молдавские и грузинские, армянские и таджикские, узбекские и эстонские... Седобородые, с выпуклыми глазами и миндалевидными...

Лагин улавливает мой взгляд, ухмыляется:

— Хотите заполучить моего «Старика»?

— Очень!

Он снимает с полки издание 1972 года и надписывает: «...севастопольцу и журналисту от автора этой глубоко правдивой повести. Л. Лагин».

Перечитал свою надпись и в скобках дописал: «На всю жизнь севастопольца».

— Будете в Москве? — заходите...

Жаль, теперь уже никогда не уластея.

Мих. ЛЕЗИНСКИЙ.